

Е Цин привел его в кафе, где тот сидел прямо, словно за его движениями кто-то наблюдал. Его лицо было очень бледным, поэтому темные круги под глазами казались особенно заметными. За стеклами очков в золотистой оправе скрывались чрезмерно холодные глаза.

Он умело поддерживал разговор, не давая ему заглохнуть, но все чувствовали, что сократить дистанцию с ним невозможно.

Лишь Су Цююй проявляла настойчивость, а Е Цин был слишком простодушным, чтобы заметить, что этот человек не из тех, с кем легко сблизиться.

Встреча окончилась. Е Цин радостно обменялся контактами с несколькими девушками, после чего ушел вместе с Шэнь Мянem.

— Ты правда не рассматриваешь кандидатуру Су, первой красавицы класса? Мне кажется, она сегодня действительно изо всех сил пыталась с тобой сблизиться.

Е Цин и Шэнь Мянэ ждали автобус на обочине дороги, где клубилась пыль. За остановкой простиралось обширное поле диких цветов и трав.

В этом городке, пропитанном природной атмосферой, такие пейзажи были обычным делом.

— Нет искры, — Шэнь Мянэ снял очки и протер с них пыль.

— Кроме ребенка из дома напротив, я не видел, чтобы у тебя с кем-то была искра, — Е Цин развернул обертку леденца, сунул фруктовую конфету в рот и небрежно протянул одну Шэнь Мяню. — Почему ты влюбился в того малыша?

Шэнь Мянэ взял конфету, снял обертку. Молочно-белый леденец был чист и непорочен, словно ждал, пока чья-то ротовая полость его не осквернит.

— Не знаю. Просто появилась искра.

— Хорошо, что это мальчик, — Е Цин облегченно вздохнул.

Шэнь Мянэ уже не счесть, сколько раз слышал дома от госпожи Лю фразу «Как хорошо, что Жун Юэ — мальчик».

— Иначе из-за него бы многие парни подрались?

— Нет, — Е Цин со смешком хлопнул Шэнь Мяню по голове. — Иначе я бы подумал, что ты заинтересован в несовершеннолетнем ребенке.

Он был ужасно бесхитростным:

— Сколько лет дают? От трех лет?

Шэнь Мянэ вдруг весь вздрогнул, и леденец во рту стукнулся о зубы. От боли он схватился за рот, и его холодная маска разом рассыпалась.

Как раз в этот момент подъехал автобус. Е Цин, не заметив странности в поведении друга, тут же вскочил внутрь. Шэнь Мянэ, мрачный, поплелся следом. В автобусе осталось лишь одно свободное место, и ему пришлось сесть в самом конце.

Водители автобусов в городке Лунцзин гоняли невероятно лихо. Шэнь Мяню, сидевшему на

заднем сиденье, казалось, будто он на американских горках: его задница то и дело отрывалась от сиденья, подскакивая чуть ли не до потолка. К тому же Шэнь Мян был высоким и несколько раз ударился головой о верх салона.

Возможно, слова Е Цина оказали слишком сильное воздействие, а может, эта поездка в автобусе была слишком утомительной, но, добравшись до дома, он шел, пошатываясь.

Вернувшись в комнату, он хотел включить какую-нибудь песню, но случайно запустил запись стихотворения, которое сделал для него Жун Юэ.

На телефоне мигал значок, и из динамиков полился голос юноши:

— Чем я могу удержать тебя? Я дарю тебе узкие улочки, безнадежные закаты, луну над пустырем. Я дарю тебе печаль человека, который подолгу смотрит на одинокую луну.

Шэнь Мян дослушал до половины и вдруг ощутил перемены в нижней части тела.

Он побагровел и поспешно нырнул под одеяло.

Телефон снаружи продолжал играть:

— Я дарю тебе память о желтой розе, увиденной мною в один вечер за много лет до твоего рождения. Я дарю тебе объяснение твоей жизни, теорию о тебе самом, твое подлинное и поразительное бытие.

Голос Жун Юэ взорвался у него в ушах, а его нижняя часть тела оказалась на грани аналогичного взрыва.

Рука Шэнь Мян высунулась из-под одеяла, схватила несколько бумажных салфеток со стола, и он, укрывшись одеялом, принялся тихо постанывать.

Когда все было кончено, он, все еще дрожа, снова включил компьютер и ввел новый запрос.

Отсев множество странных вопросов и ответов, он нашел один относительно близкий к его ситуации.

Вопрос: Нормально ли испытывать возбуждение от голоса любимого человека?

Ответ: Нормальная физиологическая реакция. Когда я общаюсь по голосовой связи с девушкой, если она хочет меня соблазнить, даже один носовой звук действует на меня как афродизиак.

Холодное выражение лица Шэнь Мян разлетелось на куски.

Нет уж. Так ведь реально срок можно схлопотать.

Шэнь Мян почувствовал, что ему необходимо успокоиться, и подал заявку на участие в конкурсном экзамене в городе Лунчэн. Вплоть до самого экзамена он заточил себя за учебой.

В день отъезда госпожа Лю вручила ему кучу местных деликатесов:

— Раз уж возвращаешься в Лунчэн,хвати заодно немного паровых пирожков бабушке с дедушкой. Говорят, очень хотят их попробовать.

Бабушка и дедушка Шэнь Маня, они же хозяева этого загородного дома.

Его дед был представителем старой интеллигентной семьи, начитанным и образованным. А бабушка в юности была просто певуньей из соседнего дома. Та девчушка переехала сюда из Нанкина вместе с родителями, часто брала в руки пипу и нежным, мелодичным усским наречием распевала песенки о красотах природы. Песни эти предназначались не для посторонних, а для родителей.

Дед никогда прежде не слышал такого нежного голоса и, будучи еще мальчишкой, вскарабкался на стену их дома, чтобы увидеть поющую бабушку.

Любовь с первого взгляда, а затем — настойчивое ухаживание.

Каждый раз, когда семья собиралась вместе, бабушка с дедушкой неизменно вспоминали эту историю.

Отец Шэнь Маня, будучи предельно расчетливым бизнесменом, всегда вставлял свои три копейки:

— Если бы это было в наше время, папа, тебя бы точно арестовали. Бабушке тогда ведь всего шестнадцать было?

Дед качал головой:

— Даже если бы арестовали, все равно бы добивался. Где еще найдешь такую хорошенькую девчушку?

Выросший в такой семье, Шэнь Мянью с детства усвоил, что любовь — это прекрасно.

Неважно, хорош этот человек или плох, правильна эта любовь или ошибочна, — любить само по себе прекрасно. Каждому живущему стоит радоваться, что он обладает таким уникальным, дарованным небом инстинктом.

Любовь прекрасна, но в юности Шэнь Мянью угодил в самую мучительную любовную историю.

Долгая дорога и напряженные усилия измотали его, и, вернувшись в Лунцзин после экзамена, он тут же слег.

Госпожа Лю уложила сына в постель и дала ему лекарство:

— И как же так получается, что ты постоянно тренируешься, а здоровье все равно никудышное?

Болезнь наваливается как лавина, а уходит, словно вытягивают шелковую нить.

Когда Шэнь Мянью вернулся к занятиям, на него вновь обрушилась лавина учебных дел.

В этой суете он наконец забыл о своих смутных, безымянных чувствах.

А осень между тем тоже подошла к концу.

— Жун Юэ! — Сразу после уроков Цзян Линьлинь подбежала к Жун Юэ. Она огляделась по сторонам и, не обнаружив ни Чжоу Яньсяня, ни Шэнь Маню, тут же пригласила его:

— Давай сходим вместе перекусим.

За эти несколько месяцев Жун Юэ снова подрос и стал куда менее замкнутым, чем раньше. Этот и без того выдающийся юноша сиял все ярче.

— Подожди, я спрошу, — ответил он.

Цзян Линьлинь опешила: кого это ему спрашивать?

Жун Юэ обратился к Лин Сяо, сидевшему позади:

— Цзян Линьлинь тоже пойдет с нами, нормально?

Лин Сяо небрежно кивнул:

— Давай.

Втроем они поехали на велосипедах на улицу с закусочными. Усаживаясь на табуретки, Жун Юэ занял самый край, посадив Лин Сяо посередине, чтобы тот отделил его от Цзян Линьлинь.

Перекусив, Цзян Линьлинь чувствовала лишь обиду, ни капли не радуясь тому, что ей удалось пригласить Жун Юэ.

Закончив есть, Жун Юэ тут же велел им оставаться на местах, а сам пошел расплачиваться.

Цзян Линьлинь все еще жевала шашлык на палочке, опустив голову и не желая разговаривать.

— Я понял, что был не прав, — Лин Сяо уже все сообразил. — Мне следовало найти предлог и уйти. Ты только перестань смотреть на меня этим взглядом, полным негодования.

Цзян Линьлинь уставилась на него.

Лин Сяо пообещал:

— В следующий раз я точно проявлю сообразительность и уйду. Но вообще-то, это я первым пригласил Жун Юэ, я еще не упрекнул тебя за то, что ты прицепилась.

— Ты в последнее время очень близок с Жун Юэ, — в голосе Цзян Линьлинь явственно звенела ревность.

— Мы же братаны! Мы не такие, как вы, девчонки, с вашими извилистыми мыслями, — Лин Сяо вздрогнул.

Жун Юэ, расплатившись, неспешно вернулся:

— Лин Сяо, заходи ко мне попозже, заберешь игровую приставку.

— Ага.

Жун Юэ угостил его сегодня, чтобы отблагодарить за то, что тот одолжил ему свою приставку.

Хотя вины его в этом не было, под давлением взгляда Цзян Линьлинь Лин Сяо из вежливости все же спросил:

— Цзян Линьлинь, а ты тоже пойдешь?

Цзян Линьлинь обрадовалась и тут же кивнула.

Жун Юэ не очень понимал, зачем ей туда идти.

[Отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16180/1451267>